

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

Н.Ж. Ветшева

“УНДИНА”: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

Творческая история “Ундины”, реально вовлеченной в литературный процесс 1830-х гг., на уровне замысла восходит ко времени создания ранней “старинной повести в двух балладах” “Двенадцати спящим девам” (1810–1817 гг.), намечая ряд преемственных черт (прозаический источник, сказочно-легендарное повествование, идеальный герой). Оба эти произведения являются эпилогами плодотворных балладных периодов (1808–1814) и (1828–1833), но вместе с тем именно “Ундина” становится наиболее полным выражением нравственно-эстетической философии Жуковского, его поэтики.

Первое знакомство с повестью немецкого прозаика, драматурга и поэта, близкого к романтизму и названному “Дон Кихотом романтизма”, барона Фридриха Генриха Карла де ла Мотт Фуке (1777–1843), обычно относят к 1816 г., времени пребывания Жуковского в Дерпте и сближения с немецкой культурой в лице дерптской научной и художественной интеллигенции. Эти процессы активизируются планами арзамасских альманахов, прообразами будущих сборников “Für wenige” (“Для немногих”). Поэт неоднократно обращается к постоянному эпистолярному адресату А.И. Тургеневу с просьбами о присылке “Ундины”, мотивируя это творческой необходимостью. Так, в письме от 16 августа 1816 г. звучит полусутопливый вопрос-условие: “Правда ли, что ты действительный статский советник? Если правда, то купи мне и поскорее пришли “Ундину”. Весьма, весьма одолжишь. Она мне нужна”¹. 24 августа того же года он конкретизирует поручение: “Опять повторяю просьбу об “Ундине”. Она продается и отдельно, и с другими повестями, напечатанными в четырех книжках под титулом: “Die Jahreszeiten”. Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязан. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна моей Музе”².

---

¹ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 159.

² Там же. С. 160.

Альманах “Die Jahreszeiten. Viertelsjahrschrift für romantische Dichtungen”, издаваемый Фуке и выходящий под заголовками четвертей времен года, в весенней книжке которого была опубликована “Undine” (“Frühling – Heft”), и в целом привлек внимание Жуковского. Так, в 1817 г. среди названий-замыслов значится повесть де ла Мотт Фуке “Aslaugas Ritter” (“Рыцари Аслауги”), напечатанная в осенней книжке того же альманаха (ОР РНБ, ф. 286, оп. 1, №77, л. 24 об.). В сентябре 1816 г. книга Жуковским еще не получена. “Начинаю по-немногу писать. Что пишу, о том ни слова. Пора перестать мне обо всем наперед рассказывать. Но ты не получишь ничего по тех пор, пока я не получу от тебя “Ундины” и ответа на запрос по делу Воейкова”¹ (ПЖТ. С. 161). Тем не менее книгу Жуковский получает не от Тургенева, а от своего хорошего знакомого, известного дерптского педагога, поэта, издателя Мартина Асмуса, о чем свидетельствует дарственное письмо-послание последнего (РНБ, оп. 2, № 246).

Рукописи поэта подтверждают многолетний интерес к творчеству Фуке (1817–1832), и к “Ундине” особенно. Это отражается в росписях задуманных сочинений, списках фамилий авторов, предназначенных для перевода. Контекстом этого интереса становятся наброски проспекта альманаха, прообраза арзамасского журнала. В отличие от политического радикализма новообращенных арзамасцев (А.И. Тургенев, Н.М. Муравьев, М.Ф. Орлов), Жуковский ориентировал читателей на культурно-языковой диалог, планируя первый опыт в форме русской и немецкой “книжек” и тщательно оговаривая даже внешний тип издания и предполагаемые названия. Немецкий альманах он предполагал назвать “Тевтона”, а среди авторов планировал сочинения Гете, Гердера, Гебеля, Новалиса, Тика, Жан-Поля, Шлегеля, Гумбольдта, Якоби и др. Возникает довольно пестрая разножанровая картина писателей, философов, ученых первого ряда и иных, оставшихся достоянием историков культуры (см. письмо Жуковского к Д.В. Дашкову, адресованное из Дерпта, вероятно, в начале 1817 г.² Жуковский помещает “Ундины” в план русской части альманаха, т. е. в числе оригинальных сочинений и уже в это время намечает перевод именно в стихах, а не в прозе, на что не всегда обращают внимание исследователи. Он разделяет произведения ла Мотт Фуке на две части. “Немецкая книжка <...> Лам. <отт> Фуке. Из Erzählungen. (Многое множество прекрасного) <...> Сказку из Ламотт-Фуке”³. “Русская книжка.

¹ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 161.

² В.А. Жуковский. Сочинения: В 6 т. / Под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. Т. 6. СПб., 1878. С. 439–442.

³ Там же. С. 441–442.

1-е) Я бы назвал ее “Аониды”; она бы была продолжением “Аонид” Карамзина <...> Первая половина “Ундины” в стихах”¹. Серьезность, к сожалению, не состоявшегося замысла (отчасти воплотившегося в языковом параллелизме сборников “Für wenige”) подкрепляется и уточняется материалами архива поэта, где имя Фуке упоминается в многочисленных списках (РНБ, оп. 1, №77, л. 24 об.). На л. 27 той же единицы хранения, датированном Жуковским 1817 г. с подзаголовком “Приготовление к Игорю”, т.е. к переводу “Слова о полку Игореве”, содержатся планы первой и второй частей задуманного альманаха с обозначением произведений, предназначенных для перевода, и имен авторов-переводчиков. Рядом с “Ундиной” запись: “апр<ель>, м<ай>, и<юнь>, и<юль>, а<вгуст>”²; здесь же уточняются другие замыслы из Фуке для немецкой части: “Меч государя”, “Aslaugas Ritter” (“Рыцари Аслауги”), “Statthalter” (“Наместник”), “Неизвестный больной” у Жуковского, у Фуке: “Der unbekante Kranke”) (РНБ, оп. 1, №77, л. 24 об.), что соответствует: “Из Erzählungen”².

Итак, знакомство Жуковского с “Ундиной” Фуке относится к 1816–1817 гг. Но есть свидетельство самого поэта, сдвигающее дату к 1815 г. В черновом автографе прозаического предисловия, обращенного к великой княжне Марии Николаевне, напечатанном в отдельном издании “Ундины” 1837 г., Жуковский сообщает: “В 1815 году прочитал я в первый раз “Ундину” (РНБ, оп. 1, № 39г, л. 1), но зачеркивает эту запись. Возможно, к этому времени относится именно чтение повести Фуке, послужившее поводом к замыслам перевода в 1816–1817 гг.

Взаимоотношения Жуковского с де ла Мотт Фуке носят творческий и биографический характер. В библиотеке поэта сохранился ряд изданий Фуке. Это “Vaterländische Schauspiele. Berlin, 1811” (Описание, № 1043)³; “Alboin, der Langobardenkönig. Ein Heldenspiel. Leipzig, 1813”⁴ (Описание, № 1044); “Dramatische Dichtungen für Deutsche. Berlin, 1813”⁵ (Описание, № 1045); “Die Fahrten Thiodolfs des Isländers. Ein Ritterroman. Hamburg, 1815”⁶ (Описание, № 1046); “Karls der Großen Geburt und Jugendjahre. Ein Ritterlied, Nürnberg, 1816”⁷ (Описание, № 1047 – конволют с №1044); “Der Zauberring. Ein Ritterroman.

¹ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 440–441.

² Там же. С. 441.

³ Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. № 1043.

⁴ Там же. № 1044.

⁵ Там же. № 1045.

⁶ Там же. № 1046.

⁷ Там же. № 1047 – конволют с № 1044.

Nürnberg, 1816”¹ (Описание, № 1048); “Don Carlos Infant von Spanien. Ein Trauerspiel. Danzig, 1823”² (Описание, № 1049). Издание “Undine” в составе библиотеки не сохранилось.

Еще одним свидетельством долговременного интереса не только к “Ундине”, увековечившей имя переводимого автора в русской культуре, но и в целом к творчеству Фуке, являются многочисленные архивные росписи задуманных, но не осуществленных произведений. Об этом упоминалось выше. Напомним названия сочинений Фуке с 1817 по 1832 г., которые Жуковский намечал для перевода. Так, в списке 1817 г., обозначенном “Поэмы”, который мы приводим целиком, значатся два романа Фуке. “Walter Scott/ Biron/ La Mott Fouque. Zauberring. Tiodolf. Oberon. Tacco. Ariost. Hoole/ Идрис. Клелия. Tales of Wonder. Ballades de Scott. Nibelungenlied” (РНБ, оп. 1, №77, л. 24 об.; л. 29). Здесь же, на л. 24 об.: “Неизвестный больной. Aslaugas Ritter. Statthalter”; на л. 27: “Ундина <...> Undine <...> Фуке”. В 1817 г. он намечает для перевода в задуманной немецкой книжке альманаха эти повести Фуке. К 1820 г. в дневниках значится чтение “Zauberring” (22 февраля и 5 марта).

Биографические взаимоотношения Жуковского и Фуке исчерпываются встречей во время первого заграничного путешествия в Берлине: “Ла Мотт Фуке <...>”³ (Дневники. С. 82–83). Жуковскому удается подметить личностное и творческое внутреннее противоречие Фуке при, казалось бы, внешне устоявшейся монолитной репутации “рыцаря романтизма”, “Дон Кихота романтизма”. Это относится к неравноценности поэта и человека, что противоречит формуле Жуковского “жизнь и поэзия одно”. Кроме того, русский поэт отмечает неровность творческой манеры, что и сделало плодовитого беллетриста фактически автором одного произведения. “В лице ла Мотт Фуке нет ничего, останавливающего внимание. Есть живость в глазах: он имеет талант, и талант необыкновенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное. Но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некоторые минуты. Разговор наш состоял из комплиментов и продолжался недолго”⁴ (Дневники. С. 82–83).

В 1837 г. сразу после выхода из печати Жуковский посылает книгу Фуке, который ответил ему стихами: “Undine und ihr Troubadour” (рукопись в ОР ПД, № 27855).

¹ Библиотека В.А. Жуковского: Описание. № 1048.

² Там же. № 1049.

³ Дневники В.А. Жуковского / С примеч. И.А. Бычкова. СПб., 1903. С. 82–83.

⁴ Там же.

Эту же характеристику независимо от Жуковского подтверждали немецкие романтики и Гете. Будучи тематически близок романтикам по своим средневековым пристрастиям и стремлению создать мир раннего Средневековья (например, в драматической трилогии по мотивам скандинавского эпоса “Герой Севера” (“Held des Nordens”), драмах “Альф и Ингви”, “Бальдур”, “Хельги” и др.), Фуке не достигает уровня стиля, не создает манеры, ограничиваясь манерностью. Тик в письме к Ф. Шлегелю в 1813 г. отзывается об этом достаточно резко: “Ни от одного из его писаний я пока еще не получил настоящего и полного наслаждения, они для меня слишком болезненны и манерны, с хильми претензиями на мужественность и силу, они кажутся мне искажением и недоразумением <...> Фуке ничего не пережил, мне кажется, ему не дано вообще переживать, как же он хочет сочинять? Все – отблеск отблеска, все – с чужих слов, давно известных. Frankfurt/M., 1930. S.169. Цитата в пер. Д.Л. Чавчанидзе)¹. Романтики за гранью видимого мира усматривали метафизику и философию мифа, трагическую мистерию “вечного возвращения”. По мнению одного из исследователей, “снискавшая большой успех сказка Фуке об Ундине <...> переводит тиковскую демонологию природы в бидермайер” (Müller G. Geschichte der deutschen Seele. Darmstadt, 1967. S.447)². Но именно этот контраст декларации и реализации, ясности тенденции и потенциальных возможностей текста привлекает Жуковского при выборе “Ундины”. Подобно архетипу, являющемуся только схемой, формой человеческого духа, сюжет “Ундины” почти незаметно преобразовывается Жуковским в вечную поэму о нераздельности и неслиянности любви и страдания в мире. В этом смысле иллюстрации Л. Майделя стилистически более соответствуют немецкой “Ундине”.

К началу перевода “Ундины” в 1831–1833 гг. мы не встречаем у Жуковского прямых эстетических оценок творчества Фуке, но швейцарский фон позволяет говорить о некоем типологическом сближении жизненных и нравственных позиций двух художников. Своеобразный рыцарский стоицизм Фуке, его постоянное обращение к сюжетам раннего Средневековья в противовес европейской современности, верность идеалам чести, достоинства, выраженным, может быть, излишне декларативно, соотносятся с умонастроением Жуковского, его “горной философией” и поэтической формулой верности сформировавшимся когда-то идеалам (“Старый рыцарь”).

¹ Tiek Ludwig und die Brüder Schlegel: Briefe. Frankfurt/M., S. 169.

² Müller G. Geschichte der deutschen Seele. Darmstadt, 1967. S. 447.

Новое обращение к “Ундине” следует в 1831 г., а фактически в 1832–1833 гг., так как от 1831 г. дошло лишь 20 начальных стихов первой главы. Вероятно, творческим импульсом послужило лето 1831-го в Царском Селе, когда Жуковский, Пушкин и Гоголь вступили в своеобразное “сказочное соревнование”. Жуковским были написаны “Сказка о царе Берендее...”, “Спящая красавица”, “Война мышей и лягушек”. В июне-июле этого же года выходит чрезвычайно важное, итоговое издание “Баллад и повестей”.

Во время второго заграничного путешествия, начавшегося 18 июня 1832 г., Жуковский вновь приступает к переводу “Ундины”, что происходит в Швейцарии. Интересно, что этому предшествует чтение повестей (новелл) Фуке, упоминавшихся в 1817 г. Под 19–21 декабря 1832 г. значится: “Galgenmännlein” (“Человечек из-под виселицы”), “Küchlerfamilie” (“Семья угольщика”), “Der unbekannte Kranke” (“Неизвестный больной”)¹. В дневнике под 27 (9) ноября 1832 г. он записывает: “Прогулка в Шильон. Начал “Ундины”², под 18(30) декабря: “Кончил 3 главу “Ундины”³. Наконец, 23 (4) января 1833 г.: “Поправлял “Ундины”⁴. В архивах поэта сохранились автографы первых трех глав, причем процесс создания датирован Жуковским порой с точностью до одного дня.

Письма и дневники Жуковского дают представление об особой психологической атмосфере и творческих импульсах создания начала поэмы. Постоянными мотивами являются размышления о пользе не одиночества, а уединения, о собственном нездоровье (Жуковский находился в Швейцарии на лечении), о погруженности в природу, а не в “цивилизацию”. В письме А.И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: “Там (в Дрездене. – Н.В.) был под боком театр и семейство Пушкиных, а здесь одно Женевское озеро, Симплонская дорога <...> и картина гор, на кои еще не отваживаюсь взбираться”⁵ (ПЖТ. С. 270). Столь же часто звучит тема материального, буржуазного, массового “духа времени”, противостоящего вечным, идеальным нравственным и религиозным началам. В письме от 15 (27) января 1833 г. из Верне он делится этими соображениями с тем же адресатом: “Но такой образ мыслей (Радовица. – Н.В.) есть доска спасения в нашем убийственно позитивном веке, когда все возвышающее душу засыпано земным сором, когда нет святого, когда математический гор-

¹ Дневники. С. 252.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же.

⁵ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 270.

дый ум гонит Бога с его места и когда образованность сделалась плодом без зерна”¹. Не случайно в ноябре 1832 г. написана баллада “Старый рыцарь”, нравственное credo Жуковского, не случайно именно в это время начата “Ундина”, с ее утверждением идеальных основ бытия.

В письмах и дневниках сливаются описание повседневного быта и интерес к современной политической истории. Поэт сообщает А.И. Тургеневу 19 (31) октября 1832 г. из Веве: “Нашел прекрасный дом между Клараном и Монтрё в самом теплом углу Швейцарии: там проведу 6 месяцев самых уединенных. Скуки не боюсь, ибо намерен работать. Лишь бы только здоровье не свихнулось”². И рядом с этим чтение К.А. Менцеля и отметка в дневнике под 18 (30) декабря 1832 г., в день, когда он “кончил “Ундину””: “Ввечеру Менцель: ужасы Наполеона”³. Особый интерес представляет так называемая “горная философия” Жуковского (ср. с его же более ранней “философией фонаря” начала 1820-х гг.). Она выразилась в его дневниках⁴, в письме к А.П. Елагиной от 4 января 1833 г.⁵, в известном письме к наследнику великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1833 г.⁶, ставшему основой “Отрывков из письма о Швейцарии”. Жуковский определяет свое отношение к назначению и месту человека в мире, размышляет о границах его свободы, метафорически соотносит бытие и человека, представляет свою философию истории. Глубоко опосредованно это проявляется в “Ундине”, и не столько в непосредственной проблематике, сколько в тональности, в полной высоких обобщений пространственно-временной картине с ее мотивами водной стихии и горного воздуха. “Жизнь человеческого рода можно сравнить с волнующимся морем: буря страстей производит эти минутные волны, восстающие, падающие и беспрестанно сменяемые другими. Каждая из них кажется каким-то самобытным созданием; и если бы каждая могла мыслить, то она в быстром своем существовании могла бы вообразить, что действует и созидает для вечности. Но она со всеми своими скоропреходящими товарищами только принадлежит к одному великому целому, все они покорствуют одному общему движению; иногда движение кажется бурей: бездна кипит; но вдруг все гладко и

¹ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 271.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 252. Книга К.А. Менцеля сохранилась в составе библиотеки Жуковского с его пометами. См.: Описание... № 1633, 1634.

⁴ Дневники. С. 250.

⁵ Сочинения В.А. Жуковского: В 6 т. / Под ред П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. Т. 5. СПб., 1885. С. 473.

⁶ Там же. С. 476–478.

чисто; и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражается чистое небо. Вот вам философия здешних гор”¹.

Текст художественного перевода опосредованно проецируется и на биографические реалии этого времени. Швейцарское уединение моделируется ситуацией рыцаря-героя “Ундины”, попавшего в условный идиллическо-патриархальный мир. В письме к А.И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: “О моем житье-бытье не беспокойся; я не один, со мною Рейтерн, который выписывает на зиму и свое семейство, так что я буду и в совершенном уединении, и со своим домом”². Начало “Ундины” становится и важным эстетическим фактом, своеобразным эпилогом всего балладного творчества Жуковского. С ноября 1832 г. по январь 1833 г. он переводит баллады “Братоубийца”, “Рыцарь Роллон”, “Старый рыцарь”, “Роланд оруженосец”, “Плавание Карла Великого”, “Уллин и его дочь”, “Элевзинский праздник”. После 1833 г. баллада как самостоятельный жанр прекращает свое существование в творчестве Жуковского.

Одновременно намечается переход к крупной эпической форме. Поначалу поэтом осваиваются фрагменты историко-культурной полноты бытия: “Суд в подземелье” (отрывок), с первоначальным подзаголовком: “Последняя глава недоконченной повести” – перевод второй главы поэмы В. Скотта “Marmion, a tale of Floddenfield”; незавершенные произведения (17 стихов перевода “Наля и Дамаанти”, 21 ноября 1832 г.), начало одного из “Рейнских сказаний”, “Фалкенбурга” (у Жуковского фрагмент начала перевода под заглавием “Эллена и Гунтрам” 27 февраля 1833 г.). Сама “Ундина” находится в этом же ряду. Итак, начальный этап работы над поэмой свидетельствует о сложном переплетении биографических, ретроспективных, эстетических и философских аспектов в сознании ее творца.

Завершает работу над поэмой Жуковский в иной атмосфере в 1836 г. Биографы поэта, отмечая, что поэзия занимает все меньшее место в жизни Жуковского, а это связывали с педагогическими обязанностями наставника наследника, зафиксировали время окончания многолетнего труда. “Правда, было одно лето, которое удалось ему вполне посвятить поэзии. Это случилось в 1836 г. Он провел тогда часть летних месяцев близ Дерпта. Там-то и взялся он за покинутую “Ундину”³. На мызе Эллистфер недалеко от Дерпта поэт проводит лето с Екатериной Афанасьевной Протасовой и ее внучками, Екатериной Александровной

¹ Сочинения В.А. Жуковского: В 6 т. / Под ред П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. Т. 5. С. 476.

² Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 267.

³ Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. 3. СПб., 1885. С. 103.

ровой и Александрой Александровной Воейковыми. “Всякое утро, прохаживаясь по зале Эллистферского дома, Жуковский диктовал своим племянницам, девицам Воейковым, свои стихи, и “работа пошла славно”. При этом он пил вейльбургские воды. Эта жизнь с родными ему так нравилась, что он купил имение близ Дерпта, дабы переселиться туда под старость, – все это пробуждало в Жуковском то тихое, ровное поэтическое вдохновение, которое привлекает нас в его “Ундине”¹.

Резюмируя столь сложный и многолетний творческий процесс, Жуковский пишет прозаическое предисловие, адресованное Великой княжне Марии Николаевне. Оно входит в отдельное издание “Ундины” и в четвертое прижизненное собрание сочинений поэта, но снимается им самим в пятом. Приводим этот текст полностью:

Повинуясь воле, которую мне было особенно приятно исполнить, я рассказал русскими стихами “Ундину”. В 1833 г., находясь в Швейцарии и живя уединенно на берегу Женевского озера (в деревеньке Верне близ Монтре), написал я первые три главы этой повести. По возвращении моем в Россию занятия другого рода надолго отвлекли меня от начатого поэтического труда; и только в нынешнем году я мог опять за него приняться. Последние главы Ундины написаны в сельском уединении близ Дерпта, где я провел половину лета и мог по-прежнему посвятить досуг своей поэзии. Еллистфер. 26 июля, 1836. Ж.

С адресатом послания возникли ошибки. Так, К.К. Зейдлиц считал, что предисловие обращено к Александре Федоровне², Ц. Вольпе – великой княжне Александре Николаевне. Уже П.А. Плетнев и разделявший его точку зрения Я.Я. Грот справедливо видели адресатом послания Марию Николаевну. Плетнев мотивировал это биографическими аргументами, объединяя адресатов прозаического послания и стихотворного посвящения в одно: “Скромный намек поэта на *исполнение воли*, в чем заключалось его особенное удовольствие, сделался для внимательного читателя ясным, когда он сравнит посвячительные перед “Ундиною” стихи с другим его стихотворением, явившимся в 1819 году под заглавием “Праматерь внуке”³. К этому Я.Я. Грот добавляет: “Эти слова ясно указывают, что в посвящении, напечатанном перед “Ундиною”, Жуковский под младенцем, явившимся в “пустой колыбели”, понимает не царственного ученика своего... (как обыкновенно думают и как полагают даже другие биографы поэта), а Вели-

¹ Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 157.

² Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 155.

³ Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. 3. С. 104.

кую княжну Марию Николаевну. Ее же имеет он в виду, говоря в предисловии о воле, которую ему было приятно исполнить”¹.

В РО РНБ (оп. 1, №39 г., л. 1–1 об.) сохранился черновик прозаического предисловия Жуковского, где рукою поэта указан адресат: “Ея Императорскому> Высочеству> Государыне Великой Княжне Марии Николаевне” (л. 1). Приводим полный текст этого наброска, отличающийся от окончательной редакции:

В.И.В. угодно было, чтобы я рассказал русскими стихами и посвятил Вашему Императорскому Высочеству Ундину. [Лет двадцать тому назад читал я в первый раз Ундину]. Я долго не мог исполнить [данного вам и мне слова] вашей воли и своего обещания. [В 1815 году прочитал я в первый раз Ундину]. В 1833, находясь в Швейцарии и живя в совершенном уединении на берегу Женевского озера, я [начал] написал три первые главы [ее русскими гекзаметрами, следуя с возможной верностью] этой [моей] повести, стараясь в моих стихах сохранить сколько возможно простоту [рассказа в прозе] [с тех пор до] [оригинального рассказа в прозе] прелестной [прекрасной] прозы оригинала. По возвращении моем в Россию [в 1833] [я долго не мог] [должен был оставить] в том же году другие занятия отвлекли меня от работы [начатого] [прежнего]. Я долго не мог за нее приняться. Наконец в нынешнем году 1836 [воспользовавшись досугом и уединением] [проведя] шесть недель на досуге в [совершенном] деревенском уединении близ Дерпта я кончил начатое. Прошу В.И.В. принять с благосклонностью этот новый и, может быть, уже последний [памятник] труд моей устарелой Музы. Прошу вас принять его [он был особенно для меня приятен и тем, что перенес [оживил] во мне впечатления моей молодости и тем, что] теперь в знак, а со временем на память моей душевной к вам привязанности, которая, как вы сами знаете, началась еще у вашей колыбели. Вашего императорского вы<сочества> покорный слуга” (Л. 1). “Вашему Высочеству угодно было, чтобы я посвятил Вам Ундину. Ея Императорскому> Высочеству> Государыне Великой Княжне Марии Николаевне

Если прозаическое предисловие снимается самим поэтом в пятом прижизненном собрании сочинений, то стихотворное, лишь формально соответствующее *Zueignung* (посвящению) ла Мотт Фуке, закрепилось во всех последующих изданиях.

Посвящение Фуке, предпосланное им ко второму изданию повести (*Zueignung zur zweiten Auflage 1814*), создает стилизованно-куртуазный образ певца-рыцаря, являясь образцом ролевой лирики. Ундина (Ундиночка) как авторское создание предстает преимущественно в темно-стихийной ипостаси². (См. стихотворный перевод посвящения В.А. Дымшица в кн.: Фридрих де ла Мотт-Фуке. Ундина. М., 1990. С. 5–6.) Приводим текст подстрочного перевода О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича.

¹ Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. 3. С. 104.

² См. стихотворный перевод посвящения В.А. Дымшица в кн.: Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. М.: Наука, 1990. С. 5–6.

Посвящение. Ундина, милый образ, / С тех пор, как я впервые в древних преданиях / Нашел твой странный светоч, / Как часто ты пела моему сердцу в покое! // Ты тесно прижималась ко мне / И кротко хотела все твои жалобы / Шептать мне на ухо, / Полуприрученное, полудикое дитя! // Но моя цитра звучала в ответ / Из своих ворот, украшенных золотом, / Каждому из твоих тихих слов, / И о тебе слышали и заговорили далеко! // И многие сердца полюбили тебя, / Несмотря на твою капризную-темную сущность, / И многие с удовольствием хотели прочитать / Книжку, которую я о тебе написал. // Сегодня они хотят все вместе / Снова услышать весть о тебе, / Ты не должна стыдиться, Ундина, / Нет, с доверием войди в зал! // Приветствуй благойравно каждого благородного господина, / Но прежде всего приветствуй с доверием / Милых, красивых немецких женщин, / Я знаю, они любят тебя. // И если какая-нибудь спросит обо мне, / Отвечай: он верный рыцарь / И служит женщинам мечом и цитрой, / В танце и за обедом, на празднике и на турнире.

Стихотворное посвящение Жуковского адресовано Марии Николаевне. Это вполне оригинальное произведение, стоящее в ряду эстетических манифестов (“Лалла Рук”, “Явление поэзии в виде Лалла Рук”, посвящение к “старинной повести в двух балладах” “Двенадцать спящих дев”, “Я музу юную, бывало...”), с лейтмотивом воскрешения прошлого в воспоминании и поэзии.

Адресат посвящения был дорог Жуковскому, о чем свидетельствуют постоянные реминисценции стихотворения в их переписке, включение их в биографический контекст, восходящий к моменту рождения Марии Николаевны и написанному по этому случаю стихотворению “Праматерь внуке”¹. “Итак, мой расцветший младенец, который до сих пор так весело и беззаботно порхал на крыльях молодости по свежему лугу жизни <...>” (Письмо Жуковского Марии Николаевне от 12 (24) ноября 1838 г.². “Я самый первый вам знакомец на здешнем свете, я думал о вас накануне вашего рождения, стоя над вашею колыбелью, еще никем не занятою”³. В письме от 22 декабря 1838 г. из Рима он вновь варьирует этот мотив: “Видно, я в добрый час подошел во время оно к пустой колыбели и спросил у судьбы: кто в ней будет и что случится с этим новым земным колонистом?”⁴. Из Франкфурта на Майне 29 мая 1840 г. он посылает пожелание Марии Николаевне: “Как мне весело будет увидеть вас перед колыбелью вашего младенца! Желая, чтобы за этой колыбелью ухаживали те же добрые духи, которые стерегли известную вам и мне колыбель, недавно описанную и

¹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем.: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 154.

² Сочинения В.А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. С. 613.

³ Там же. С. 613–614.

⁴ Там же. С. 431.

в стихах моих”¹. Накануне собственной женитьбы в письме от 17 декабря 1840 г. он вновь помещает Марию Николаевну в ореол воспоминаний: “Одним из верных посетителей моего уединения будет и благодарное воспоминание о той *одной*, которую я когда-то видел *младенцем в колыбели*, которая расцвела *как чистая моя поэзия* и которой земное счастье да будет такое же светлое, такое же высокое, как светла и высока душа ее”².

Мария Николаевна, исполнителем воли которой называл себя Жуковский, хотя обратился к “Ундине” гораздо раньше, пользовалась реальными поэмы для характеристики окружающей и высоко ценила перевод: “...кто переводит так хорошо, что русский перевод лучше оригинала? Кто перевел Ундину? <...> Ах! Боже мой! Посмотрела в окно и вижу Нептуна; но какого? В усах и сюртуке <...> За все на свете золото я бы не желала бы быть его Ундиной” (письмо Жуковскому из Петергофа от 4 июля 1838 г.³ Автограф стихотворного посвящения сохранился в составе альбома, подаренного Евдокии Петровне Ростопчиной (ОР ПД, № 28.466, л. 4). В 1838 г., посылая графине Ростопчиной альбом, принадлежавший А.С. Пушкину, Жуковский вписывает туда десять стихотворений, первым из которых является вариант стихотворного посвящения к “Ундине”. В сопроводительном письме от 25 апреля 1838 г. он пишет: “Посылаю вам, графиня, в память книгу, которая может иметь для вас некоторую цену. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и dokonчите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения”⁴.

Целостный характер работы, воссоздающий эволюцию замысла, реконструкции не подлежит, поскольку не сохранились автографы всего произведения и существуют перерывы между редакциями в несколько лет. Можно говорить о том, что перевод прозы в гексаметры шел относительно легко. Автокомментарием к принципам перевода является письмо к Фогелю в ответ на просьбу того прислать немец-

¹ Сочинения В.А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. С. 441.

² Там же.

³ Там же. С. 429.

⁴ Цит. по: *Кибальник С.А.* Антологическая поэзия Жуковского // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 268–269. Об альбоме, подаренном графине Ростопчиной, см.: *Реморова Н.Б.* Художественные произведения Гердера в чтении и переводах Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 168–209.

кий перевод его стихотворений. Жуковский советует ему прочитать в подлиннике его переводы Шиллера, Гете, Гебеля, Рюккерт и в том числе из ла Мотт Фуке (“Undine in Hexametern”). “Читая все эти стихотворения, верьте или старайтесь уверить себя, что все они переведены с русского, с Жуковского, или vice versa (лат. – наоборот): тогда вы будете иметь понятие о том, что я написал лучшего в жизни; тогда будете иметь полное, верное понятие о поэтическом моем даровании, гораздо выгоднее того, если бы знали его in naturalibus (лат. – в действительности)” (РА. 1902. Кн. 2., вып. 5. С. 145).

Отметим ряд внешних изменений, по сравнению с подлинником усиливающих повествовательное, сказово-легендарное начало. Вместо “Erzählung”, просто “повести”, появляется подзаголовок “старинная повесть”, подзаголовки глав структурируются, приобретая лексическое единообразие (“О том, как...”, “О том, что”) и действительно-событийный характер, что проявляется в чередованиях влияния судьбы и проявления воли человека. Меняются некоторые реалии и имена. Гульдбранд становится Гульбрандом, патер Хайльман патером Лаврентием, “владельческий барон фон Кюлеборн” дядей Струем. Озеро заменяется морем, иначе рассчитывается возраст Ундины: сначала она попадает в хижину рыбака четырехлетней и проходит пятнадцать лет, затем соответственно шесть лет и двенадцать. Изменения касаются также сокращения и, напротив, увеличения объема некоторых эпизодов. Приведем их в постижном комментарии.

В прозаический текст Фуке введены несколько стихотворных песенных фрагментов: песня Ундины (глава III), песня водопада (глава IX), рассказ Ундины (глава XI). У Жуковского аллитерации подлинника заменены внутренними рифмами. Наиболее значимой является проблема перевода прозы стихами. Это продолжение дискуссии о гекзаметре, начатой еще в “Арзамасе” по поводу переводов из Гебеля, принимавшихся далеко не всеми из единомышленников и друзей. Для Жуковского этот вопрос был принципиальным: во-первых он эстетически обосновывал точное соотношение фрагмента бытия и художественного языка его описания, вводя свой “идиллический”, шуточный, “сказочный”, “античный” гекзаметр; во-вторых, он стремился к некоему универсальному синтезу прозы и поэзии, объединяющему мир бытовых реалий с возвышенной духовной реальностью. Поэтому в письме И.И. Дмитриеву от 12 марта 1837 г. Жуковский объясняет причины обращения именно к этому метру. “Прошу учителя благосклонно принять приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я

уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно <...> именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда”¹. В действительности же русский поэт, не прибегая к искажению прототипического текста, переводит его в свой собственный возвышенно-символический регистр. Многообразие жанровых определений “Ундины” (“старинная повесть”, “поэма-сказка”, “легенда”, “фантастическая поэма”, “философская поэма”) свидетельствует о высоте поэтического обобщения, обращенности к бытийным (вечным) проблемам любви, верности, ответственности, места человека в мироздании, природе человеческих чувств. В этом смысле “Ундина” может считаться “метафизикой любви” и “поэмой натурфилософской”. Особенностью “Ундины”, в отличие от ее многочисленных генетических и типологических “двойников”, является создание неизмеримо более сложного синтеза в плане конфликта и характера, не сводимого к различным модификациям концепции романтического двоемирия.

“Ундина” – “поэма во-человечивания”. Жуковский равно отвергает традиционную самоценность природного (естественного) начала (будь то символ нравственной оценки, возмездия, стихии), но столь же далек он от идеализации *духовного* начала, понимаемого как данность. Поэтому в центре повествования образ Ундины, в которой онтологически неразрешимые противоречия разрешаются Жуковским эстетически, в создании образа-идеала, намечающего сложную диалектику взаимодействия родового и индивидуального, стихийного и духовного, вечного и преходящего.

Ундина – единственная героиня поэмы, которая, являясь “жилицей двух миров”, оказывается способной к развитию, но к развитию не эволюционному, а духовному. Так, преображенная любовью, обретая в любви живую душу, а значит, способность самоотречения и страдания, Ундина наделяется свободой воли и действия. Погруженная, отданная проклятием рыцаря в волю стихий, она вынуждена совершить возмездие, подчиняясь безличным родовым законам. Отчуждена Ундина и от человеческого мира, где душа не обретается в страданиях и верности, но является данностью. В этом смысле внешняя динамика чувств Гультбранда и Бертальды оказывается психологически

---

¹ Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 5. С. 145.

беднее постоянства любящей, кроткой, верной Ундины. Верность чувству оказывается сложнее изменчивости чувств.

Таким образом, Ундина в поэме объединяет два мира, являясь выражением натурфилософских взглядов Жуковского. Идеал одухотворенной самоотверженной любви становится залогом самосохранения личности в ее единстве с миром.